

УДК 821.161.1:1
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-004

А. А. Дырдин
Ульяновск, Россия

ГЕТЕРОТОПОЛОГИЯ КАК СТРАТЕГИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Аннотация. В статье дан обзор современных методологических концепций изучения пространственных связей человека с бытием в едином поле философии и литературы. Рассмотрены некоторые аксиомы феноменологического, структурно-семиотического и собственно литературоведческого анализа методологических подходов, связанных с представлением о топосе, месте как части пространства, понятия «гетеротопия» и «гетеротопология». Для направления современного литературоведения, в котором понятия «пространственность» и «гетеротопия» приобретают конституционный статус, значимы феноменолого-топологические характеристики таких представителей новой французской критики, как Г. Башляр, М. Фуко, Ж. Деррида и Ж. Делез, а также Ж. Батай, Э. Левинас и М. Бланшо. Приведены дефиниции Д. Н. Замятина, стоящего у истоков новой междисциплинарной науки — имагинальной или гуманитарной географии. Автор статьи опирается на теоретические и философские идеи, связанные с анализом пространства и проблемой формирования культурной и национальной идентичности в трудах Н. Лосского, П. Флоренского, М. Бахтина, Б. Успенского. Русская проза традиционного направления рассматривается как художественный феномен, сформировавшийся в русле жанра путешествий, который берет начало в русской идее странничества. Одно из наиболее значительных проявлений уникальности данной философии пространства — хронотоп в текстах классиков XX века И. Бунина и М. Шолохова, в произведениях В. Распутина, В. Шукшина, В. Белова, В. Астафьева — корифеев «деревенской прозы», единственного в своем роде воплощения национального мировоззрения в литературном процессе 1950 — начала 2000-х годов.

Ключевые слова: пространство в художественном тексте и в философии гетеротопология, гуманитарная география, пространство в произведениях А. Платонова, Л. Леонова, М. Шолохова, «деревенская проза».

A. A. Dyrdin
Ulyanovsk, Russia

HETEROTOPOLOGY AS A STRATEGY OF LITERARY AND PHILOSOPHICAL STUDIES

Abstract. The article provides an overview of modern methodological concepts of spatial man-and-existence relations in a common field of philosophy and literature. The author discusses some of the axioms of phenomenological, structural-semiotics and literary analysis of methodological approaches to the submission of topos, a place as part of a space, the concept of «heterotopia» and «heterotopology». For modern literary criticism, where the concepts of «space» and «heterotopia» have acquired constitutive status, the phenomenology-topological characteristics of such representatives of the New French critics as G. Bachelard, M. Foucault, J. Derrida, and G. Deleuze, as well as G. Bataille, E. Levinas and M. Blanchot are very significant. The article also provides the definitions of D. Zamyatin, who conducted pioneer research in interdisciplinary science – so-called humanitarian geography. The author of the article relies on theoretical and philosophical ideas related to the analysis of space and the problem of the formation of cultural and national identity in the writings of N. Lossky, P. Florensky, M. Bakhtin, B. Uspensky. Russian «traditional» prose is regarded in the article as an artistic phenomenon emerged in the mainstream of travel literature that originates in Russian idea of wandering. One of the most significant manifestations of the uniqueness of this philosophy of space is a chronotope in the texts of I. Bunin and M. Sholokhov and in works of V. Rasputin, V. Shukshin, V. Belov, V. Astafyev — luminaries of «village prose», the only embodiment of national ideology in literary process of 1950-early 2000-ies.

Keywords: space in art and philosophy, heterotopology, humanitarian geography, space in A. Platonov, L. Leonov, M. Sholokhov's works, «village prose»

Тема пространственных связей человека с бытием превратилась сегодня в гетерологическое пространство философии и литературы, опосредованное сближением онтологии и эстетики.

В поисках методологической основы исследования художественной топографии современная критика обращается к известным концепциям и интерпретациям пространства. Одна из задач в разысканиях такого рода — смысловая соотносительность авторской модели действительности, ставшей основой его пространственной поэтики, с конкретным опытом феноменологического, экзистенциального, структурно-семиотического, собственно литературоведческого анализа.

В этой связи закономерными являются вопросы о том, какие идеи приоритетны и каким образом мировоззренческие парадигмы подготовили те явления, которые происходили в литературно-философском жанре в XX столетии, теряющем человека с его свободой ответственного духа, переживанием сопричастности миру в целом.

Одним из направлений феноменологического и экзистенциального изучения и истолкования литературных текстов стали исследования темы о «Другом», «философия иного», представленная, в частности, теориями трех французских мыслителей — Ж. Батай, Э. Левинаса и М. Бланшо, идеи которых были синтезированы постструктуралистами в 1960-е и последующие годы. Эти противостоящие традиционной гуманитарной науке критические концепции ныне называются «гетерологиями»,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-34-11045 «а (ц)».

объединенными общим метафизическим горизонтом, опытом «радикально “иного”» [Евстропов 2012: 12]. Возникает ряд методологических подходов, связанных с представлением о топосе, месте как части пространства. Для направления современного литературоведения, в котором понятия «пространственность» и «гетеротопия» приобретают конституционный статус, значимы феноменолого-топологические характеристики таких представителей новой французской критики, как Г. Башляр, М. Фуко, Ж. Деррида и Ж. Делез.

Здесь необходимо дать определение понятию «гетеротопия», чтобы представить, насколько важен этот концепт для перехода от конкретных географических точек пространства текста к метапространствам, к целостному видению мироустройства писателем-философом. Речь идет о множестве векторов, которые пересекаются в сознании, давая нам возможность участвовать в процессе образования внутреннего, автономного движения мысли, которое способно вмешиваться в течение событий.

Понятие «гетеротопия» сегодня активно применяется в исследованиях, связанных с анализом пространства и проблемой формирования культурной и национальной идентичности. Данный концепт используется в области архитектурной теории, политической географии и в литературоведческих исследованиях¹. М. Фуко, анализируя различные виды рефлексии в отношении реального пространства и начала его десакрализации в новое время, предложил взглянуть на смысловые перекрестки объективно существующих и создаваемых в культуре и искусстве мест. Для этого он вводит термин «гетеротопия» (от греческих слов *гетерос* (heteros) — другой и *топос* (topos) — место. Свое внимание Фуко акцентировал на европейских культурных гетеротопиях: особых местах, где проходили обряды инициации или очищения в древних обществах, выделив различные формы гетеротопий или гетероклитных образов: кладбища, музеи и библиотеки, колонии и больницы, тюрьмы, ярмарки, театры и корабли.

Г. Башляр оперирует понятием «локализация внутренней жизни в пространстве» [Башляр 2004: 360]. Его топоанализ строится как описание ценностей домашнего бытия, центров простоты многообразного пространства жилища: дом, чердак, лестница, окно, лампа, а также — ящики, сундуки и шкафы. «Транспонировка в человеческий регистр» локусов домашней жизни позволяет ему эксплицировать смыслы, рассматривать их в качестве форм «позиции проецирования». В его философии понятие «место—пространство» не

играет определяющей роли. На первый план выходит потенциально безграничное пространство мысли и ее постоянные изменения, трансформации, метаморфозы, которые становятся «особой функцией воображения»: «Воображение ухватывает форму, только если преобразует ее, только если привносит динамику в её становление» [Там же].

Вернемся к гетеротопиям. В отличие от утопий, пространств воображаемых, гетеротопии — это реальные пространства, характеризующиеся особыми взаимоотношениями между пространством и временем. М. Фуко придумал новый концепт рассмотрения пространства. В своей книге «Слова и вещи: археология гуманитарных наук» (1966) он противопоставляет два типа пространств — утопии и гетеротопии, именуя «гетеротопиями» реальные пространства, «<...> характеризующиеся особыми взаимоотношениями между пространством и временем, а также производящие особые режимы телесности и субъективности» [Цит. по: Беззубова]. Гетеротопии для Фуко — это места, «<...> которые являются при этом своего рода контр-местоположениями, в некотором смысле действительно реализованными утопиями, где реальные местоположения <...> одновременно и представлены, и опровергнуты, и перевернуты» [Фуко 2008: 174]. Считая XX век эпохой пространства, философ вводит еще одно понятие, с помощью которого мы можем раскрыть сущность и структуру образов местности в литературных произведениях и сам принцип отражения мира, определяющий творческую позицию писателей философского склада: гетеротопию зеркала. Определение этого вида гетеротопии таково: «<...> зеркало функционирует как гетеротопия в том смысле, что оно делает место, которое я занимаю в момент, когда я смотрюсь в зеркало, одновременно и совершенно реальным, и совершенно нереальным, поскольку, чтобы быть воспринятым, оно должно пройти через ту виртуальную точку, которая находится там» [Там же].

В размышлениях Фуко о новой дисциплине — особой дескриптивной практике анализа современной культуры — дана методика исследования «других мест» как «<...> своего рода оспаривание одновременно мифическое и реальное того пространства, в котором мы живём; эту практику можно было бы назвать гетеротопологией» [Там же: 174—175]. Предложив данный концепт для анализа пространства, он дал толчок к развитию новой междисциплинарной науки, называемой имагинальной или гуманитарной географией. Это система взаимосвязанных символов, архетипов, мифов и легенд, которые достоверно, с исчерпывающей полнотой характеризуют географическое пространство страны, региона, любой территории.

Однако эти литературно-критические теории содержат серьезный изъян: они уводят нас от смысловой действительности и непрерывности процесса мышления в область трафаретных семитических конвенций. Современная философия искусства «совершила крутой поворот и начала

¹ В сентябре 2013 года в Вильнюсе (Литва) прошла Международная конференция, которая продемонстрировала продуктивность гетеротопологической идеи для филологических и междисциплинарных исследований. Вместе с тем, высказывается мысль о необходимости проверки этой категории анализом литературного материала. См.: Шестакова Э. Г. Критика и семиотика. — 2014/1. — С. 58—72.

возвращаться к покинутой ею реальности»: к единичному, осознанному уже в качестве синтеза бесконечного множества определений, к однократным событиям, предмету «индивидуализирующих наук» (Г. Риккерт), к конкретным историческим фактам, биографиям и судьбам, к непосредственности жизненного впечатления, к «самим вещам» [Бальбуров 2009: 26], — пишет об этих постоянных переходах мысли Э. А. Бальбуров.

Как утверждает Д. Н. Замятин, пространство может подвергаться пространственным же интерпретациям. И здесь неважно, каким из типов пространства порождается этот новый уровень локализации — пространством физическим, реальным или психологическим, пространством восприятия или, наконец, ментальным пространством. В гуманитарной географии (эту дисциплину Д. И. Замятин называет метагеографией) место обуславливается не картографическими координатами, а тем смыслом, что придают ему люди, живущие в этом краю, городе, селе. По наблюдениям Д. И. Замятина, в литературном тексте мы обнаруживаем три уровня художественных местоположений: автономный, реально-географический и мифологический [Замятин 2000, 2005]. Это суждение обосновывается подробным разбором романа А. П. Платонова «Чевенгур», где происходит «наложение» «материнского реального географического пространства» <...> «и гораздо более условного, и по существу, метафизического пространства» [Замятин 2000: 273].

Нередко границы между образной и реальной топографией стираются. Пространство здесь — это «гибридное художественно-географическое пространство». Так возникают «пульсирующие образования» (Д. Замятин). В качестве примера здесь могут быть названы тексты А. П. Платонова, писателя-философа, литературная генеалогия которого прочно связана с реальной географией пространства советской страны, с познанием «души» местности, наполняющей ее особенными историко-социальными смыслами, а также М. А. Шолохов, который, соединив в пространстве текста две реальности — историческую и онтологическую, раздвинул границы донской степи до пределов вселенной. Гетеротопично в своей основе творчество Е. И. Замятина («Уездное», «На куличках», «Алатырь» «Островитяне» и др.) и Б. А. Пильняка («Никола-на-Посадях», «Иван-Москва», «Повесть Петербургская», «Волга впадает в Каспийское море» и др.) — творцов локальных, сконструированных и открытых, многомерных пространств. Их художественная философия во многом подвластна «<...> необходимости данной местности, железной логике ее историко-географического бытия» [Бахтин 1979: 217] и целостному зрению, чувству необъятности России. Переосмысливая символику пространственных образов, писатели-философы наполнили свои книги живыми картинами родины, ее ландшафтами, местнографическими описаниями. Все это — вместе с героями прошлого и настоящего, с их жизнями и смертями — составляет единый повествовательный

поток, образованный темой преодоления небытия, движения человеческого духа в земном пространстве.

Так, например, в романе Л. М. Леонова «Дорога на Океан» (1933—1935), гетеротопия океана, в своей символической форме независимая от автора, перестраивает произведение, вводя в него новые значения и смыслы — новую систему связей: метафизическое измерение человека и мира [См. подробнее: Дырдин 2012, 2014]. У Леонова это единство всегда раскрывается через детально-конкретное изображение местности (Зарядье в «Барсуках», Благуша и Демятино в «Воре», река Соть с тайным скитом на ее берегу в «Соти», Енга в «Русском лесе», Старо-Федосеевский храм и погост в «Пирамиде»). Леоновская проза — образное воплощение мысли о том, что время осознается русским человеком в пространственных формах, поскольку опыт такого восприятия естественен для народа, историческая судьба которого сложилась в освоении бескрайних земных и водных просторов.

Оригинальное понимание пространства предложил о. П. Флоренский. С искусством он связывает особый тип организации пространства. В нем, по словам священника и философа, художник-автор «<...> дает формулу некоторого пространства и предлагает слушателю или читателю по его указанию самому представить конкретные образы, которыми данное пространство должно быть проявлено». Художественные произведения «<...> требуют от читателя чрезвычайных усилий и огромного сотворчества, чтобы пространство каждого из них было действительно представлено в воображении вполне наглядно и целостно» [Флоренский 2000: 115]. В работе «Значение пространственности», написанной в 1925 г. (опубл. в 2000 г.), Флоренский замечает: «Основной в отвлеченном выражении миропонимания, вопрос о пространстве не может быть второстепенным в образном выражении миропонимания, того же самого. И действительно, в художественном произведении ни сюжет, ни манера, ни технические средства и ни фактура характеризуют его наиболее существенно, а именно строение его пространства. «<...> войти в художественное произведение, как таковое, можно лишь чрез понимание его пространственной организации» [Там же: 274]. Связывая в единое целое онтологическое и ценностное понимание пространства, он отделял и соединял первичное пространство реальности и его отражение — пространственный символизм образа. В этих концепциях складывается новый образ метафизики, наследующий в том числе традиции реляционного подхода к пространству и времени, сторонники которого рассматривают эти связи как особого рода отношения между объектами и процессами. Зарубежные и отечественные мыслители XIX века стали объяснять пространство и время как феноменальное обнаружение взаимодействия идеальных сущностей. Первоначально в России эта трактовка возникла в связи с идеей соборности или «хорового начала». Позднее соборность приобретает значение метафизического принципа устройства бытия. Впоследствии русская идеалистическая

философия в лице В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, Н. О. Лосского, П. А. Флоренского развивается в русле опыта метафизической свободы — сопричастности миру в целом на путях прорыва в трансцендентное пространство. «Пространство и время имеют характер единства, каждая часть которого существует не иначе как в целом, определяется другими частями пространства и времени и определяет их» [Лосский 1995: 2017], — писал Н. О. Лосский. Не будет преувеличением сказать, что эта мысль оказала воздействие на утверждение нашего современника Б. А. Успенского об изоморфности пространства и времени, их соотносимости, о том, что жизнь (бытие) ассоциируется, прежде всего, с пространством, а не со временем [См. об этом: Успенский 2013: 236—241].

Сегодня исследователи литературного процесса говорят о плодотворности гетеротопологического анализа литературных произведений, который направлен на исследование диалектики времени и пространства. О способности художественного образа сохранять конкретную географическую локализацию, прикрепляться к «наглядно-зримому месту» писал М. Бахтин, рассматривая географическую реальность в мире И.-В. Гёте. «Умение видеть время, читать время (здесь и далее курсив Бахтина. — А. Д.) в пространственном целом мира» [Бахтин 1979: 204] — существенная особенность творческого опыта русских писателей, мыслящих о родном и близком в неповторимо-конкретных формах и в метафизических категориях.

Произведения, в которых художественное пространство оказывается главной смысловой координатой, наглядно-зримы «географическая реальность образа» и «тяга к определенному месту и определенному времени» (М. М. Бахтин), составляют существенную часть национального литературного наследия. В этом ряду — не только А. Н. Радищев с его «Путешествием из Петербурга в Москву», наши романтики и реалисты XIX в. от Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина до Ф. М. Достоевского и И. А. Гончарова, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого и А. П. Чехова. Вслед за ними идут русские писатели-классики минувшего века: снискавшие мировое признание прозаик и поэт консервативной традиции И. А. Бунин и М. А. Шолохов с его умением изображать пространство донских степей как арену событий исторического масштаба, в единстве их общечеловеческого и национально-специфического смыслов. К этому направлению мы относим А. П. Платонова, М. М. Пришвина и Л. М. Леонова — представителей философской прозы XX столетия, а также писателей, представляющих течение традиционализма на постклассической стадии развития русской литературы — В. Г. Распутин и В. М. Шукшин, В. И. Белов и В. П. Астафьев. Выстраивая образ земного пространства, они проникают в исторические пласты национальной жизни. Глубина идейно-эстетического содержания текстов традиционной школы обуславливается своеобразием их хронологической структуры, постоянной авторской рефлексией о неразрывной связи нашего прошлого, насто-

ящего и будущего. В произведениях русского традиционализма Россия изображена как страна пути, а народная судьба — через проникновение в ее бесконечное самосознающее пространство.

ЛИТЕРАТУРА

- Бальбуров Э. А.* Философская речь и система языка // Критика и семиотика. — 2009. — Вып. 13. — С. 7—27.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — 424 с.
- Башиляр Г.* Избранное: Поэтика пространства. — М.: РОССПЭН, 2004. — 374 с.
- Беззубова О. В.* Гетеротопии городского пространства: к истории концепта [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/1464> (дата обращения: 17.01.2014).
- Дырдин А. А.* Хронотопы России и метафизика пространственной среды в творчестве Л. М. Леонова // Филология прошлого и будущего / Н. П. Анциферов. — М.: ИМЛИ РАН, 2012. — С. 348—351.
- Дырдин А. А.* Гетеротопология и образ океана в романной прозе Леонида Леонова («Дорога на Океан») // Литература и культура в контексте Христианства. — Ульяновск: УлГТУ, 2014. — С. 237—254.
- Дырдин А. А.* Проза Леонида Леонова: метафизика мысли: монография / А. Дырдин. — М.: Издательский Дом «Синергия», 2012. — 294 с.
- Евстропов М. Н.* Опыты приближения к «иному»: Батай, Левинас, Бланшо. — Томск: Изд-во Томского университета, 2012. — 346 с.
- Замятин Д. И.* Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. — 2000. — № 6 (46). — С. 255—275.
- Замятин Д. И.* Культура и пространство: моделирование географических образов: дис ... д-ра культурологических наук. — М., 2005 — 435 с.
- Кризис литературоцентризма.* Утрата идентичности vs. новые возможности: монография / отв. ред. Н. В. Кофун. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. — 576 с.
- Лосский Н. О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. — М.: Республика, 1995. — 400 с.
- Родное и вселенское. Образы местности, трансгрессии и гетеротопии в русской и мировой литературе (XIX — нач. XXI в.) [Текст]: сб. науч. тр. / сост., отв. ред. А. А. Дырдин. — Ульяновск: УлГТУ, 2015. — 250 с.
- Плеханова И. И.* Философия жизни и идеи жизнестроения в русской литературе первой трети XX века / И. И. Плеханова // Философия жизни в русской литературе XX—XXI веков: от жизнестроения к витальности: монографии. — Иркутск, 2013. — С. 24—37.
- Успенский Б. А.* История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Флоренский и культура его времени. — М.: РОССПЭН, 2013. — С. 191—250.
- Флоренский П. А., свящ.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. — М.: Мысль, 2000. — 446 с.
- Фуко М.* Другие пространства. Гетеротопии. Пер. с франц. А. Муратова. Текст, написанный в Тунисе в 1967 г., впервые опубликован в журнале «Architecture, Mouvement, Continuité». — 1984. — № 5. — pp. 46—49. Цит. по: Проект International. — 2008. — № 19. — С. 171—179.
- Шестакова Э. Г.* Гетеротопия — рабочее понятие современной гуманитаристики: литературоведческий аспект // Критика и семиотика. — 2014/1. — С. 58—72.
- Rekow Matthias.* Gegenwart als «nahes Ende» — Apokalyptisches Denken in der Frühen Neuzeit. Der Entwurf

eines apokalyptischen Chronotopos nach Bachtin, in: Historical Social Research. — 2013. — 38/3. — S. 105—128.

Данные об авторе

Дырдин Александр Александрович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии, издательского дела и редактирования Ульяновского государственного технического университета, председатель Открытого Международного научного сообщества «Русская словесность: духовно-культурные контексты» (Ульяновск).

Адрес: 432027, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32.

E-mail: dyrd@mail.ru.

About the author

Dyrdin Alexander Alexandrovich is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology, Publishing and Editing, Ulyanovsk State Technical University.